

Система социальной помощи горнозаводскому населению Урала в конце XVIII — середине XIX в.

В процессе промышленного развития Урала происходило осознание важности социальной работы в обществе, появлялась сфера социальной защиты и реабилитации. Утверждениям о бесчеловечной эксплуатации и незащитности крепостного населения, продолжающим присутствовать в историографии и публицистике, хотелось бы противопоставить уникальный опыт системы социальной помощи, сложившейся в XVIII — первой половине XIX в. на горнозаводском Урале, осмысление которого позволяет глубже понять формы, методы, принципы социальной работы того времени.

Поначалу медицинские учреждения на горнозаводском Урале были ориентированы на оказание помощи работникам заводов. Постепенно в сферу их влияния оказалось вовлечено все население, которое обеспечивалось тремя видами медицинской помощи: «на дому», амбулаторно и в больницах. Как показывают обследования берг-инспектора П.Е. Томилова, к началу XIX в. была создана основа материальной базы горнозаводской медицины — половина из посещенных им предприятий обзавелась госпиталями (обыкновенными избами в среднем на пять койкомест)¹. Они были распределены с учетом окружной организации уральской горной промышленности. Головное предприятие округа было как минимум обеспечено госпиталем, куда доставляли больных с близлежащих заводов. Особенно наглядно подобная организация проявилась на казенных Екатеринбургских заводах. В крупном екатеринбургском госпитале лечили больных с Елизаветинского, Уктусского, Нижнеисетского заводов. Второй госпиталь находился на Березовском заводе. Он также обслуживал население Пышминского завода. Третий госпиталь был расположен на Каменском заводе. В частных округах оказание медицинской помощи было основано на аналогичном принципе. Так, на заводах Турчаниновых госпиталь имелся только на центральном — Полевском. Туда же обращалось население Северского завода, на Сысертском больных лечили «на дому».

Первая половина XIX в. стала временем роста числа лечебных учреждений и аптек, расширения уже действующих, замены

деревянных больниц каменными, которые возводились по специальным проектам с учетом санитарных и гигиенических требований, создания профилированных палат, возникновения акушерской службы, проведения широких компаний по оспопрививанию. Наличие лечебного учреждения в заводских селениях стало нормой, а количество мест в нем пытались увязать с численностью населения². В 1850-е гг. больницы в среднем вмещали в себя 21—27,6 койко-мест. От половины до четверти всех больничных зданий стали каменными. Самыми крупными были центральные больницы округов: Нижнетальгильского (на 130 мест), Чермозского (70), Кыштымского (60), Алапаевского (50), Пожевского, Ревдинского (по 40)³. На частных заводах они «руководствовались правилами военно-сухопутных госпиталей» или уставом госпиталей казенных горных заводов. Врач Суксунского округа сообщал, что больницы «...построены правильно и удобно. Пища больным отпускается на счет заводов... Госпитальное белье, одежда всегда в полном количестве и в лучшем виде. Как в прислуге, так и особенно в заготовлении ежегодно медикаментов и вообще всех припасов..., в каком бы то ни было количестве, заводоуправление никогда ни в чем не отказует»⁴. «В отличной чистоте и порядке» содержался также госпиталь Верх-Исетского завода. Он был снабжен «в изобилии всем необходимым с большим запасом хирургических инструментов, с прекрасною и большою аптекою»⁵. Существовали даже караванные и временные рудничные больницы⁶.

Обеспечение лечебных учреждений обслуживающим персоналом уральским заводчикам пришлось начинать с нуля. Еще в 1822 г. дипломированные медики на частных заводах имелись только у графини С.В. Строгановой и тайного советника Н.Н. Демидова⁷. При недостатке врачей упор был сделан на подготовку низшего и среднего звена медиков — лекарских учеников. Они стали центральной фигурой горнозаводской медицины, «очень усердно» оказывали помощь населению, ежедневно совершая объезды «домовых» больных. Управляющий Нижнетальгильскими заводами писал в 1855 г., что «здешние старшие лекарские ученики... усердием и деятельностью, при хороших способностях всю практику в Тагиле приобрели в свои руки, так что врачи необходимы здесь только как официальные лица...»⁸ Доктора на уральских заводах выступали скорее как организационное и обучающее начало. В конце 1850-х гг. врач в имении Лазаревых, постоянно пребывая в Чермозском заводе, руководил пя-

тью госпиталями с аптеками, наезжая в них 3 раза в год, и обучением лекарских учеников, «нескольких женщин повивальному искусству и некоторых учеников ветеринарной медицине»⁹. Можно согласиться с оценкой знатока горнозаводского края В.Д. Белова¹⁰, что на уральских заводах задача подготовки медицинских кадров, «с которой даже значительно позже не могла справиться городская медицина, была блестящим образом разрешена»¹¹.

Успехи горнозаводской медицины привели к тому, что к середине XIX в. замечание о том, что народ лечится «охотно», а медицинская помощь стала для него потребностью и превратилась в привычку, было общим местом в сочинениях заводских врачей. Один из них писал: «все мастеровые привыкли лечиться и каждый из них с самою маловажною болезнью тотчас обращается за помощью». Об этом же свидетельствовали среднегодовые данные врачебной статистики, в которые в Невьянском округе за 1853—1855 гг. и в Нижнетагильском за 1860-е гг. попал каждый десятый житель¹². Причина высокой обращаемости населения к врачам заключалась, по мнению последних, «в благоустройстве медицинской части». Так, по ведомости 1854 г. владельцы Кыштымских заводов на центральный окружной госпиталь расходовали в год 4800 руб., а на Нязе-Петровский — 2400 руб. Всеволожским Пожевской госпиталь обходился в 3400 руб., а три остальных госпиталя — в 4900 руб.¹³

С созданием горнозаводской медицины не просто увеличилась численность медицинских кадров и количество лечебных учреждений, а возникло качественно новое явление — врачебная помощь стала доступна целой категории населения, что привело к формированию, хотя в масштабах уральского промышленного района, присущей нашим дням эгалитарной системы здравоохранения.

Учреждения закрытого призрения стали появляться на горнозаводском Урале в XVIII в. П.С. Паллас упоминает о существовании с 1766 г. в Нижнетагильском заводе «дома для приносных детей», где принимали «во всякое время дня и ночи и без малейшего расспроса о дитяти, кроме того, крещено оно или нет»¹⁴. Детям оказывалась необходимая медицинская помощь, а затем они раздавались опекунам или приемным родителям на воспитание за плату, которая в начале XIX в. составляла рубль в месяц. Наблюдение за тем, насколько усердно водятся с малышами, осуществлял староста¹⁵. Приемом незаконнорожденных

младенцев и подкидышей в Нижнетагильском округе занимались также заводские госпитали. В середине XIX в. надобность в приемных домах возросла. Они появились на Нижнесалдинском, Черноисточинском и Висимоуткинском заводах¹⁶.

Применительно к Нижнетагильскому округу можно говорить о создании последовательной системы призрения брошенных детей. Эстафету от «домов ребенка» принимали специальные учреждения для воспитания детей «до совершенных лет». В начале XIX в. в воспитательном доме Невьянского завода находилось 29 детей (13 мальчиков и 16 девочек, из них 14 незаконнорожденных)¹⁷. В 1853 г. владелица Нижнетагильских заводов Аврора Карловна Демидова-Карамзина решила создать в округе для воспитания незаконнорожденных детей и сирот специальное закрытое учреждение — сиротский дом. Согласно его уставу, попечение и полное содержание за счет заводовладельцев в сиротском доме обеспечивалось не только сиротам и покинутым детям, но и детям неимущих родителей, овдовевших отцов или матерей. По решению администрации или заводовладельцев туда могли поступить также дети родителей «слабого поведения и с порочными наклонностями».

Предоставление пособий матерям и воспитателям незаконнорожденных младенцев с открытием сиротского дома прекратилось. Пять руб. сер. выдавалось единовременно матерям, передавшим детей на воспитание в сиротский дом, учрежденный при Авроринском приюте¹⁸. В 1855 г. численность его воспитанников составляла 35 чел.¹⁹

Нижнетагильские приюты в первой половине XIX в. пользовались особой славой на Урале. Они имели ряд отличий от сиротского и воспитательного дома. Если исходить из современных понятий, эти учреждения соединяли в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для детей необеспеченных родителей, детского дома для сирот и начальной школы. Торжественное открытие Авроринского приюта состоялось 31 июля 1849 г. Аврора Демидова предписала без ограничений принимать сюда детей рабочих Нижнетагильского горного округа в возрасте от 1 до 8 лет. Иногда его питомцами становились лица и более старшего возраста. Заведение функционировало в дневное время, пока родители были заняты работой. Воспитанники находились на полном содержании заводовладельцев: их одевали в особое платье, несколько раз в день кормили, давали начальное образование. Главной целью дея-

тельности своих приютов Демидовы считали нравственное развитие подрастающего поколения, воспитание у него чувства благодарности к своим благодетелям за их отеческое попечение. Обучались дети по специальной программе для приютов, главным предметом в которой был закон Божий. Помимо этого в приютской школе учили основам грамматики, чтению и письму, а также навыкам разных рукоделий, необходимых в домашнем быту²⁰.

В течение 1849 г. помимо Авроринского приюта подобные учреждения были открыты в селе Воскресенском и в деревне Никольской. Очень быстро они завоевали популярность у заводского населения. «Родители отдают детей в приюты с охотою, — писал управляющий Нижнетагильскими заводами в 1850 г., — число их изменяется ежедневно, смотря по времени года, иногда бывает в одном приюте детей до 150 человек в день, средним же числом каждодневно призревается в каждом приюте от 50 до 70 человек»²¹. Детям из окрестных деревень и поселков разрешалось ночевать в приюте и соответственно получать дополнительное питание. В 1850 г. управляющий Нижнетагильскими заводами Д.В. Белов попытался доказать главному управлению пользу создания в Нижнетагильском округе еще четырех приютов: на Нижнесалдинском, Висимоуткинском, Висимошайтанском и Черноисточинском заводах²². Владельцы ограничились, однако, открытием еще одного приюта на Нижнетагильском заводе. 8 октября 1853 г., в день посещения округа супругом Авроры Карловны Андреем Николаевичем Карамзиным, который исполнял обязанности главного уполномоченного, здесь начал работу Павловский приют, получивший название в честь владельца заводов Павла Павловича Демидова²³.

Для руководства подобными учреждениями Аврора Демидова пригласила из Петербурга смотрительницу, имевшую опыт работы в детских приютах, — Агнесу Самойловну Кригнер (с жалованием 630 руб. в год). Штат заводских и сельских приютов включал в зависимости от числа воспитанников от 3 до 5 служащих (надзирательница с помощницей, нянька, стряпка, прачка и дворник) с жалованием от 7 до 17,5 руб. асс. в месяц. Общие расходы на содержание каждого ребенка в Нижнетагильских приютах составляли 20—30 руб. асс. в год²⁴.

«Проект Горного положения» 1806 г. возложил на горное ведомство обязанность учредить в каждом заводе богадельню, где могли бы найти призревание «все престарелые, увечные и не могу-

щие исправлять обыкновенных работ»²⁵. Согласно положению 1822 г. об устройстве богаделен, было признано необходимым содержать в казенных горных округах Урала 1260 чел., из них на Екатеринбургских заводах — 450, Гороблагодатских — 300, Богословских — 250, Пермских — 135, Камско-Воткинских — 135 чел.²⁶ Переписка 1828—1829 гг. начальника Златоустовского округа и арендатора Омутнинского и Пудемского заводов А.Ф. Веймарна с Уральским Горным правлением свидетельствует, однако, о неприятии идеи закрытого призрения местным, по крайней мере, старообрядческим населением. Если же «требовать неперменного их помещения в богадельне, — писал А.Ф. Веймарн, — то они без сомнения не согласятся, лучше вовсе отказать от пособия заводов, нежели быть в необходимости оставить настоящее пребывание в кругу семейств и родных своих и жить в сообществе людей не их веры». «За неимением совершенно родственников и сил к снисканию пропитания» в богадельню Златоустовского округа решились поступить всего 8 чел.²⁷

По штатам 1827—1829 гг., на казенных горных заводах Урала существовала лишь одна заводская богадельня — в Богословском округе²⁸. Здесь находилось 10 «богадельщиков» мужского и 10 женского пола, а также дети до годовалого возраста. Согласно штатам, на содержание богадельни отпускалось 2300 руб. ежегодно, что составляло достаточно большую сумму — около 115 руб. на чел. В нее входило жалованье смотрителя и служащих богадельни, расходы на питание, одежду, отопление и освещение. В 1840-е гг. богадельни появляются на частных заводах Урала: Ильинская на 10 чел. во владениях графини С.В. Строгановой (с 1840 г.), приюты-богадельни Лазаревых на Полазнинском и Чермозском заводах, рассчитанные на 60 чел. (с 1851 г.), а также на заводах, являвшихся центрами посессионных округов: Алапаевском на 20 чел. (с 1841 г.), Нижнетагильском на 36 чел. и Сысертском (с 1849 г.)²⁹. Согласно штатам 1847 г., богадельни имелись в каждом казенном округе, а численность их обитателей (мужчин и женщин) должна была составлять 230 чел., в том числе в Екатеринбургском и Кушвинском — по 50 чел., Богословском и Златоустовском — по 40, Воткинском — 30, Пермском — 20. Однако их содержание в это время было значительно урезано и составляло 28—29 руб. на человека в год. По сведениям 1854 г., приюты Лазаревых обходились им в 1500 руб. в год, а богадельня Алапаевского завода — в 450 руб. В

среднем затраты на человека в них (25—22,5 руб.) приближались к показателям казенных богаделен.

На горнозаводском Урале учреждения закрытого призрения приживались с большим трудом. Владельцы Чермозского округа Лазаревы, имевшие три каменных госпиталя на более чем сто мест и приютов-богаделен на 60 чел., тем не менее полагали, что «вместо новых каких-либо приютов, богаделен и других особых заведений несравненно основательнее, полезнее, простее, удобнее в наших заводах, селах и деревнях, достоверно узнав о беднейших, скорбных, сирот, и тогда у родственников им жить и помогать в необходимом, как в некоторой выдаче хлеба, так и в крайне нужном»³⁰. Насколько распространена была такая помощь показывают данные 1786 г. по Нижнетагильским заводам. Здесь призревались разные категории населения: «разными случаями при работах изувечившиеся», «слепые», «малоумные и расшибленные», «хворые от воли Божией», «престарелые», «престарелые вдовы», «находящиеся в богадельне старухи», «умерших служителей жены и дети», «умерших жителей жены — вдовы же с малолетними детьми», «солдатки»; а также те семьи, в которых были незаконнорожденные дети — «на воспитание несчастнорожденных от вдов и девок подкидываемых к разным жителям мужеска и женска пола младенцев»³¹. Помощь заключалась в выдаче хлебного провианта в размере от 20 фунтов до 1 пуда 20 фунтов в месяц (а самым маленьким по 20—25 коп. на молоко) и, выражаясь языком современных социальных работников, была адресной и весьма дифференцированной — разным категориям нуждающихся она предоставлялась на различных условиях: «до конца жизни», «до выздоровления», «до возраста детей».

Объектами социальной помощи оказывались как индивиды, так и семьи. Призревались почти все контингенты, которые современные социальные работники признают нуждающимися в помощи: инвалиды, престарелые, дети, матери-одиночки (иногда «девки» сами воспитывали своих незаконнорожденных детей, и контора тоже выдавала им пособия), семьи, потерявшие кормильца и др. На основании приведенных данных весьма основательно можно утверждать о возникновении к этому времени на Нижнетагильских заводах целой системы социального обеспечения, ежегодные траты на которую составляли немалые по тем временам деньги 2320 руб. 9 коп.

В деле социального обеспечения практика, как правило, опережала закон. Юридическое оформление со временем полу-

чало лишь то, что прошло многолетнюю проверку и устоялось. Так, «Проект Горного положения» 1806 г. узаконил на горных заводах Урала давно существующую систему социального обеспечения, которая касалась рабочих и служащих казенной промышленности. Дореформенное законодательство показывает льготное положение казенных мастеровых по сравнению с основной массой податного населения. Рабочие казенных заводов рассматривались законом как особая сословная категория со специфическими правами. Они были освобождены от уплаты всех государственных податей, рекрутского набора, уплаты городских налогов и земской повинности по мощению улиц. Материальное положение их было обеспечено определенными гарантиями. За время работы им выплачивалось жалование или штатная сдельная оплата. Независимо от характера или объема выполняемой работы им ежемесячно и бесплатно выдавался хлебный «провиант»: холостым работникам мужского пола по два пуда муки, женатым — по четыре, на их детей — по одному пуду (или 1,5 пуда, если мальчик работал на заводе и учился в заводской школе одновременно). Мастерские казенных заводов имели право получить от заводоуправления сенокосный участок: по 2 десятины на каждого работника, а урочные рабочие (т. е. рабочие казенных заводов, занятые в перевозках, заготовке древесного угля и других вне заводских работах) — по 5 дес. сенокосной и пашенной земли. Рабочие имели право пожизненного бесплатного пользования участками покосной либо пашенной земли, расчищенной от леса собственным трудом работника. В июле-августе каждого года заводская администрация обязана была отпускать рабочих на сенокос на срок 20—30 дней, причем денежное жалованье и провиант выплачивались им за это время как за рабочее. При болезни рабочие получали бесплатно медицинскую помощь, медикаменты и содержание в заводском госпитале, причем в это время им продолжали выплачивать половину жалованья, а семьи обеспечивались провиантом на прежних условиях. Выходя в отставку по старости, болезни или увечью, они сохраняли за собой льготы и получали пенсии (а после смерти — их вдовы и дети) на основании общегосударственного «Устава о гражданской службе»³². Рабочие казенных заводов пользовались и другими льготами: бесплатным или за льготную таксу отпуском дров, стройматериалов из заводской дачи, фуража и провианта по заготовительной цене.

Ряд таких же льгот для населения частных заводов вводился их владельцами. Патерналистская установка о попечении помещика над своими подданными была закреплена в российском законодательстве указом от 26 апреля 1734 г. Очевидно, этому закону подчинялись и владельцы уральских заводов. Горный устав лишь повторил и конкретизировал это общепринятое положение. Одна из статей «Проекта Горного положения» 1806 г. прямо предписывала владельцам частных заводов иметь попечение «о прокормлении бедных и неимущих, престарелых и увечных людей». Заводские исправники, согласно закону, обязаны были доставлять сведения о нуждающихся в социальной поддержке группах населения управляющему заводом и следить за тем, чтобы им была оказана необходимая помощь³³. Известно, что еще в середине XVIII в. на многих частных заводах была организована централизованная закупка хлеба для мастеровых и работных людей. Его не только продавали по мере надобности рабочим, но и выдавали в качестве помощи «престарелым, увечным и неимущим заводским жителям». Заводские хлебные запасы использовались для поддержки низкооплачиваемых работников в неурожайные годы. Горный устав 1832 г. законодательно обязал владельцев частных заводов иметь постоянно «годовую или двухгодичную препорцию хлеба». Судя по данным заводских ведомостей 1818 г. и донесений заводских исправников 1828—1829 гг., малообеспеченные и нетрудоспособные слои населения получали бесплатный провиант, материальные или денежные благотворительные пособия почти во всех частных горнозаводских округах, наибольшие льготы при этом имели сироты, вдовы, инвалиды, незаконнорожденные покинутые дети³⁴. Право на социальную защиту и обеспечение горнозаводского населения было признано не только государственным, но и вотчинным законодательством. Положение об управлении Пермского нераздельного имения Строгановых 1837 г. содержало главы «О сохранении здоровья», «Об опеке», «О призрении сирот и нищих», «О богадельнях». «Учреждение сиротских попечительств» имелось в Пермском имении Лазаревых. Вотчинным правом и инструкциями заводладельцев стало регулироваться пенсионное обеспечение рабочих и служащих. В 1841 г. «Правила о положении пенсий служащим и мастеровым с их семействами» появились в Пермском имении графини С.В. Строгановой, через 10 лет (в 1851 г.) подобные установления были приняты Лазаревыми. Регламентации в назначении и выдачи пенсий придерживались в

Пермском имени княгини В.П. Бутеро-Родали³⁵. Имелись нормативные документы, обеспечивающие социальные права населения посессионных уральских заводов. Например, 8 декабря 1832 г. положение о подкидышах, регулировавшее обеспечение незаконнорожденных детей, было утверждено в Нижнетагильском округе³⁶.

Следует оговориться, что в условиях горнозаводского Урала население заводов могло существовать только при наличии материальной помощи (наиболее наглядно это проявлялось в снабжении провиантом). Поэтому, начав индустриальное освоение Урала, российское правительство во многом продуцировало патерналистские отношения в промышленности. «Заводское управление следило за состоянием хозяйства рабочих, — отмечал В.Д. Белов, — с целью не допускать хозяйство до разорения и приходить на помощь при начинающемся упадке. Помимо гуманных начал... к этому побуждал и личный интерес заводчиков. Они смотрели на рабочих, как на свою рабочую силу, исправное содержание которой, несомненно, отзывалось на результатах производства»³⁷. С финансовой точки зрения подобную практику следует отнести к системе социального обеспечения, поддерживающей на определенном уровне доходы индивидов и семей. Благодаря оказанию единовременной или долговременной экономической поддержки уровень жизни оставался относительно стабильным, обеспечивая стабильность в обществе. Принцип социальной помощи был заложен уже в системе доходов горнозаводских жителей, которая имела два главных источника: заводскую зарплату и самообеспечение на основе льгот, предоставляемых заводом. Заработная плата состояла из двух частей: денежной и натуральной. Первая часть начислялась в зависимости от характера (квалификации) и объема выполненной работы, а натуральная (хлебом) должна была обеспечить их семьям прожиточный минимум, поскольку независимо от квалификации рабочие получали единую норму хлебного провианта.

Подобную эволюцию в условиях горнозаводского Урала претерпело и пенсионное обеспечение. В законодательных документах — «Проекте Горного положения» 1806 г., штатах 1827—1829 и 1847 гг. — прослеживается тенденция к сокращению размеров пособий и числа получающих их лиц³⁸. В действительности происходила постоянная «урезка» пенсий и количества пенсионеров. Так, в 1822 г. на Богословских заводах из 185 отставных мастеровых пенсию получили только 9 (4,9 %). В 1850-е гг. от-

ставники Екатеринбургского горного ведомства получали денежную пенсию в размере от 25 до 60 % их жалования, что в год составляло сумму от 2 руб. 14 коп. до 7 руб. 50 коп. и не шло ни в какое сравнение с годовыми выплатами отставных мастеров и мастеров-урядников 1-й и 2-й статей в 54, 72, 120 руб.³⁹ Однако денежные пенсии по старости не были показателями развития пенсионного обеспечения. Стремление и обязанность владельцев содержать население при увеличении в нем доли неработоспособных лиц (из-за повышения внебрачной рождаемости, а также заболеваемости, травматизма, смертности рабочих) объективно приводили к эгалитарной системе распределения помощи, стремящейся к прожиточному минимуму (дать по-немногу, но всем нуждающимся). Усилия администрации как казенных, так и частных предприятий были направлены на то, чтобы поддержать как можно большее число социально необеспеченных людей, чтобы унять их «ропот». Горный начальник казенных Златоустовских заводов еще в 1818 г. ввел на своих заводах вместо двухпудовой выдачи провианта в месяц однопудовую, таким образом обеспечив провиантом всех нуждающихся. К 1828 г. ситуация осталась прежней — «в Златоустовских заводах выдается ныне провиант на всех без изъятия мастеровых, уволенных от работ». В 1859 г. пособия и богаделенное содержание в этом округе получала подавляющая часть отставных мастеровых и других категорий нуждающихся, а именно 5720 чел., что составляло 13,4 % всего зависимого населения⁴⁰.

Существовавшая в посессионном Верх-Исетском округе Яковлевых практика пенсионного обеспечения распространялась на три крупные социальные категории горнозаводского населения: государственных мастеровых, непрременных работников и крепостных. Делопроизводственная документация 1830—1850-х гг. свидетельствует об отсутствии различий между ними в деле получения пенсий⁴¹. Используя и правительственное законодательство и устоявшуюся практику, администрация округа лавировала между тем и другим. Горному Правлению в середине 1840-х гг. оно объясняло, что низкие пенсионные выплаты мастеровым обусловлены традиционной практикой выдачи им бесплатного провианта. По 618 статье проекта Горного Уложения, сыновьям непрременных работников пенсия по потере кормильца полагалась в размере 30 коп. в месяц, но «по сиротству» контора предоставляла им по 6 руб. в год (т. е. 50 коп. в месяц), что являлось отступлением от законодательной нормы, но было

обычным для этой категории призреваемых Верх-Исетского округа.

Пометы на страницах пенсионных дел: «из единственной благотворительности», «по человеколюбию», «из уважения» подтверждают мнение пореформенного публициста И.И. Архангельского о том, что «заводской мастеровой всегда был обеспечен от заводууправления. При обязательной работе все заводское население было на полном иждивении и содержании владельца или казенного управления»⁴². «Уравниловка» достигалась несколькими способами. Высокую пенсию могли уменьшить, «вспомнив» «старые» штрафы, при наличии добротного дома, крупного сенокосного участка, значительного количества скота, а также работоспособных родственников. Пособие старались увеличить, если оно назначалось при производственной травме или семейству работника, погибшего на производстве, лицу, обремененному большой семьей или, наоборот, при отсутствии родственников у «малолетов» — сирот (как девочек, так и мальчиков) и престарелых. Особые условия при получении пенсий предъявлялись женщинам: они должны были быть добропорядочного поведения. Учитывались также их заслуги по уходу за детьми. «По молодости лет» 24-летней вдове Лукерье Заварухиной не следовало назначать пособие, но «из уважения к имеющемуся у нее малолетку, от которого ей в работах находится время не позволяет», контора предоставила ей провиант. Как следовало из пенсионного дела, пожилой вдове Анисии Прохоровой помимо провианта «денежная пенсия полагается по уважению воспитания сына Игнатия до 18 лет собственными трудами»⁴³.

Кроме отставных рабочих пенсии выплачивали следующим категориям населения: их женам, детям, вдовам, матерям, а также «девкам», сиротам, незаконнорожденным, солдаткам и их детям. Администрация Верх-Исетского округа склонна была выполнять условие, по которому жене оштрафованного работника предоставляли половину пенсии ее мужа (обычно она составляла 50 коп. в месяц). Если женщина «была женой заводского человека даже один день», она получала право на пенсию «по смерть или выход в замужество». Размеры выплат обычно увязывали с возрастом: не полагалось давать деньгами «по молодости лет» просительницы. Обычно пенсия составляла от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. в месяц плюс провиант. В целом это соответствовало пенсионным нормам в казенной промышленности, где вдовы рядовых мастеровых и рабочих людей получали от 6 до 24

руб. в год⁴⁴. После смерти отца сыновья с годовалого возраста до 12 лет или времени вступления в работу получали провиант и 50 коп. ежемесячно. Если сыновей было двое, то первому могли назначить пенсию в один рубль, а второму — в 50 коп. или на равных — по 75 коп. Дочерям до достижения 15 лет или «выхода в замужество» выдавали провиант. Если по достижению 15-летнего возраста они признавались медиками неизлечимо больными и по этой причине не могли вступить в брак, то им полагался провиант из расчета 1 пуд 20 фунтов в месяц и 50 коп. Заводоуправление было в курсе, что другие владельцы предоставляли «девушкам» только провиант, но выплаты денежных пособий не прекратило. Если после смерти отца оставалось несколько малолетних дочерей, то, как в случае с сыновьями, им дополнительно к провианту назначали денежное содержание, обычно по 25 коп. в месяц. «Из уважения к круглому сиротству» размер пособий мальчикам, как правило, увеличивался до 2 руб. в месяц, у девочек появлялась денежная пенсия в 50 коп. Незаконнорожденные по своим правам на пособие приравнивались к сиротам. В целом детские пособия в частном округе также соответствовали казенным порядкам, при которых дети нижних горных чинов, мастеровых и рабочих людей получали пенсию после смерти отца до 15 лет. При этом ее границы для девочек устанавливались в 6—12 руб. в год. Мальчики до 12 лет получали по 30 коп. ежемесячно плюс бесплатный провиант, а после поступления в школу — 75 коп. в месяц⁴⁵.

По мнению составителей штатов 1847 г., численность сирот, т. е. «детей нижних и рабочих чинов умерших, бежавших и поступивших в военную службу», на казенных Екатеринбургских, Златоустовских и Гороблагодатских заводах составляла по 600 чел., на Богословских, Пермских и Камско-Воткинских — по 400 чел. (всего 3000 чел.). Оценить размер затрачиваемых средств и количество призываемых на частных заводах Урала позволяют данные по Пермскому имению Лазаревых за конец 1840-х — первую половину 1850-х гг. В 1849 г. на сирот, немощных и бесприютных «крестьянского класса» было израсходовано 658 руб., на 692 из «служительского», «мастерового и промыслового» — 2638 руб., т. е. в 4 раза больше. В 1852 г. соотношение не изменилось: на этот вид благотворительности в деревнях и селах было употреблено 551 руб., на заводах и промыслах — 2761 руб. Число призываемых в 1852 г. составило 1296 чел. Доля осиротевших детей «мастерового и промыслового класса» в нем рав-

нялась примерно 44 %, а взрослых — 2,4 %; 72 человека получали только провиант, остальные — пособия: 148 чел. — временные, 287 — ежемесячные, 96 — те и другие. В 1853 г. из общей суммы в 2617 руб. на Чермозский завод приходилось 1425 руб., Кизеловский — 566, соляные промыслы — 495⁴⁶.

В категорию «девок» на Верх-Исетских заводах входили незамужние женщины преклонного возраста, «не имеющие родителей». Кроме провианта они получали в месяц от 50 коп. до рубля. С 1840-х гг. выдача им пенсий была обусловлена медицинским освидетельствованием в том, что они имеют «слабое здоровье», но главное — предоставлением свидетельств того, что «будучи в зрелых летах» они находились в заводских работах. Наиболее неустойчивым было пенсионное обеспечение солдаток. До 1840-х гг. они получали на детей провиант. Затем солдаткам и женам сосланных в Сибирь «по молодости лет предоставлялось самим себе снискивать пропитание», а их детям было отказано в провианте, по причине того что они не принадлежат к заводскому ведомству. Однако в период Крымской войны отношение к солдатским семьям изменилось. В 1853 г. сыновьям Самойло Шапошникова, например, был назначен денежный пенсион по рублю на каждого в месяц «по уважению тому, что отец этого семейства поступил в военную службу — в рекрутскую повинность от завода»⁴⁷. Аналогичным положение этой категории было на вотчинных предприятиях. Если в 1828 г. солдатки были «неподведомственны попечению вотчинного правления» Лазаревых и поэтому 126 чел. из них жили мирским подаванием, то в 1853 г. на содержание солдат и солдаток, «не могущих снискивать пропитание», было потрачено 236 руб. 57 коп.⁴⁸

Социальная помощь не ограничивалась выдачей пенсий и провианта. Вспоминая дореформенную эпоху, Д.Н. Мамин-Сибиряк писал, что «при крепостном праве все сироты, престарелые и калеки существовали за счет заводоладельца: развалилась изба — починят избу, пала корова или лошадь — купят другую»⁴⁹. В конце 1820-х гг. неимущим Преображенского завода «от господ завододержателей была определена экстраординарная сумма, из которой снабжаются они на поправку ветхих домов, покупку лошадей, коров»⁵⁰. В общих расходах богоугодного капитала за 1857 г. по имени Строгановых сумма пособий мастерам и другим людям («покупка домов, поправка их и прочие нужды») составила более 547 руб. или 24 %⁵¹. В Полазнинском заводе за хозяйский счет в 1855 г. починили дома 4 ста-

рикам и 11 вдовам, в Кизеловском — на такую «поправку» было истрачено 18 руб.⁵²

Модель социальной защиты, сложившуюся на горнозаводском Урале, вполне можно назвать патерналистской. В качестве ее основных черт специалисты по истории экономики называют добросовестное выполнение производственных обязанностей и лояльность по отношению к работодателю как главное условие получения пенсий и благотворительных пособий; ограниченность охвата населения системами социального страхования и обеспечения; финансирование бюджетов социального страхования и обеспечения чаще всего на нестраховых принципах, когда расходы на них возмещались из текущих доходов предприятий.

Характерной особенностью социально-правовых форм материального обеспечения престарелых и нетрудоспособных в доиндустриальный и раннеиндустриальный периоды, согласно мнению правоведов, была структурная необособленность распределительных отношений от отношений собственности⁵³. Структура капиталов системы социального обеспечения и социальной защиты горнозаводского населения была вполне традиционной. Пенсионные суммы, отпускаемые государственным казначейством горному ведомству, на протяжении первой трети XIX в. оставались практически неизменными, составляя в 1806 г. 60 тыс. руб., а в 1832 г. — 61,5 тыс. руб.⁵⁴ Богаделенные суммы складывались из особого богаделенного капитала и дополнительных ассигнований из заводского бюджета, что вело к увеличению цены казенного железа. В пользу особого «богадельного капитала» поступали штрафные деньги «за разные упущения с высших и нижних чиновников, нижних и рабочих чинов», а также процентные сборы с наградений, пенсий, доходов частных предприятий на казенных землях и т. д. С премий нижних и рабочих чинов вычиталось по 5 коп. с рубля. По 2,5 коп. с рубля сдавали пенсионеры. Судя по штатам 1827—1829 гг., ежегодные доходы богаделенной суммы в Богословском округе равнялись 1500 руб., Златоустовском — 3893 руб. 12 коп., Екатеринбургском — около 4500 руб. Как свидетельствуют рапорты Златоустовской заводской конторы, основными источниками ее пополнения были процентные сборы с наград и пенсий, а также с денег и припасов, выданных разным лицам в счет жалованья. По этим статьям в счет богаделенного капитала Златоустовских заводов в

1835—1842 гг. было собрано около 3966 руб. Остальные 3807 руб. появились от штрафов и многочисленных пошлин. В 1853—1855 гг. ежегодные доходы богаделенной суммы на этих заводах выросли до 4953 руб. Как и капиталы приказов общественного призрения, она не лежала в наличных деньгах — часть из нее шла в долг сохранной казне Московского опекунского совета и в ссуду служащим заводов для приращения процентами⁵⁵.

Велики были «попечительские» расходы владельцев крупных имений (Строгановых, Лазаревых, Всеволожских и др.). Зачастую траты на социальные нужды в частной промышленности намного превышали расходы казны. Например, в 1818 г. подобная сумма (деньгами и провиантом) в Верх-Исетском горном округе Яковлевых составляла 25 800 руб., что было значительно выше подобных ассигнований в любом из казенных округов. В 1843—1844 гг. среднегодовые аналогичные расходы уже достигли 155 тыс. руб.: 36 тыс. руб. деньгами плюс 119 тыс. руб. на закупку 83 тыс. пудов провианта⁵⁶. «Попечительские» расходы нижнетагильских Демидовых в 1808 г. составляли 45 % от общей суммы, выделенной на «непроизводительные» нужды, в 1860—1861 гг. — 57,6 %⁵⁷. Эти траты ложились дополнительным бременем на стоимость заводской продукции и возмещались из текущих расходов предприятия. Однако когда Лазаревы в 1850 г. решили изменить состав пенсионного капитала и какую-то его часть, как и в казенной богадельной сумме, собирать из вычетов и из штрафных, а именно вычитать у всех служителей и мастеровых из их окладов по 5 %, работники просили «о избавлении их от всяких вычетов из окладов» и «об оставлении пенсионного положения на прежнем основании»⁵⁸.

Более современные принципы, положенные в основу приращения капиталов Приказов общественного призрения, находили среди заводской администрации все больше приверженцев. В 1851 г. Г.А. Надуткин для финансирования приюта-богадельни рекомендовал Лазаревым «составить основной вечный капитал, могущий давать 1500 или 1600 руб. сер. ежегодных процентов, т. е. 37 500 или 40 000 рублей серебром, и внести оный или в Московский опекунский совет или Пермский приказ общественного призрения на вечные времена»⁵⁹. Значительных успехов в переводе социальной сферы на страховую основу достигли Строгановы. Вплотную средствами,

«обеспечивающими народное благосостояние», графиня С.В. Строганова занялась в 1820-е гг. Вырученные от продажи на Нижегородской ярмарке меди 50 тыс. руб. в 1821 г. были внесены в Пермский приказ общественного призрения. Вместе со штрафными деньгами они составили ссудный капитал «от различных непредвиденных случаев». Страхование на случай пожара началось в 1822 г.⁶⁰, «от упадка скота» — в 1843 г., а учреждение сберегательной кассы — в 1855 г.⁶¹

Попечительство над горнозаводским населением обладало явными системообразующими признаками уже в силу того, что оно включало все известные современной социальной политике объекты помощи и сферы социального вмешательства: здравоохранение, пенсионное обеспечение, предоставление услуг по уходу за детьми, престарелыми и инвалидами, а также создание для них детских домов, приютов и богаделен. Существовали определенные мероприятия по защите доходов горнозаводского населения.

Вариант системы социального обеспечения, сложившийся на горнозаводском Урале, был результатом сознательной политики горного ведомства и заводчиков, поставленных перед необходимостью оказания помощи нуждающимся группам подведомственного им населения. Опираясь на российское законодательство, они использовали традиционные для сословного общества отношения патернализма и попечительства. Влияние системы социального обеспечения на уральских горных заводах оказалось столь значительно, что создало особый тип «патриархального» горнозаводского населения, которое весьма болезненно переживало ее утрату после отмены крепостного права.

¹ Подсчитано по: Описание заводов хребта Уральского, составленное пермским Берг-инспектором П.Е. Томиловым (1807—1809 гг.) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Свердловск, 1956.

² Голикова С.В. Попечение владельцев о горнозаводских рабочих Урала в сфере здравоохранения (1800—1861 гг.) // Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения, вторая половина XIX — начало XX в. (Вторые Морозовские чтения). Ногинск; Богородск, 1996.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 84. Л. 287—285, 320—334.

⁴ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 37.

⁵ Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1875. С. 277.

⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1584. Л. 4 об. — 5 об.

⁷ Там же. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 1782. Л. 1 об. — 4.

- ⁸ *Клат С. А.* Кадры медиков на Нижнетагильских заводах в последней трети XVIII — первой половине XIX в. // *Тульский металл: четыре столетия истории.* Москва; Тула, 1995. С. 22.
- ⁹ РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1883. Л. 18—18 об.
- ¹⁰ О нем см.: *Алеврас Н. Н.* В. Д. Белов: судьба уральца в социокультурном интерьере российских преобразований XIX—XX вв. // *Урал в контексте российской модернизации.* Челябинск, 2005. С. 72—89.
- ¹¹ *Белов В.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 74.
- ¹² ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 38 об. С. 39; *Португалов В.* Работа в рудниках или гигиена чернорабочих-рудокопов // *Архив судебной медицины и общественной гигиены.* Кн. 1. 1870. С. 75.
- ¹³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 84. Л. 320—334.
- ¹⁴ *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской академии наук. Ч. 2, кн. 1. СПб., 1770. С. 253.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 858; Ф. 643. Оп. 1. Д. 1063. Л. 33.
- ¹⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 238.
- ¹⁷ Описание заводов хребта Уральского... С. 166.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1063. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Д. 1122. Л. 15 об.
- ²⁰ Там же. Д. 994. Л. 4 об.
- ²¹ Там же. Л. 16 об.
- ²² Там же. Л. 6 об.
- ²³ Там же. Д. 1122. Л. 12 об.
- ²⁴ Там же. Д. 994. Л. 16 об.
- ²⁵ Проект Горного положения. Ст. 651.
- ²⁶ Златоустовский филиал (ЗФ) ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 2.
- ²⁷ Там же. Л. 36 об.
- ²⁸ ПСЗ-II. Т. 4. Ст. 2890.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 84. Л. 314—319.
- ³⁰ ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 976. Л. 40 об.
- ³¹ *Голикова С. В.* Документ 1786 г. и политика попечительства на частных уральских заводах в XVIII в. // *Урал в прошлом и настоящем: Мат-лы науч. конф.* 24—25 февр. 1998 г. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 229—231.
- ³² *Железкин В. Г.* Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период.* Екатеринбург, 1992. С. 98—99.
- ³³ *Дашкевич Л. А.* Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // *Уральский исторический вестник*, 2000. № 5—6. Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. Екатеринбург. С. 308—309.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Дашкевич Л. А.* Развитие институтов социальной помощи на Урале в крепостной период: историографические и методологические аспекты проблемы // *Уральский исторический вестник*, 2001. № 7. С. 237.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 660. Л. 154 об.
- ³⁷ *Белов В.* Указ. соч. С. 75.
- ³⁸ *Дашкевич Л. А.* Социальная политика горного ведомства... С. 304—305.
- ³⁹ *Павловский Н. Г.* Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // *Власть, право и народ на Урале*

в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 137; Кулагина Г.А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов в 50-х гг. XIX в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. Вып. 39, ч. 1. С. 106.

⁴⁰ЗФ ГАЧО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 559. Л. 1, 20—20 об. При подсчете число душ м. п. по 10-й ревизии при Златоустовских заводах увеличивалось вдвое. Сведения о численности населения Златоустовских заводов см.: Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1986. С. 122.

⁴¹ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1346, 1754, 1805, 1933, 1990, 2091, 2207, 2368, 2457, 2522 2523, 2566, 2762, 2874, 3033, 3095, 3394, 3432.

⁴²Архангельский И.И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала (Отдельный оттиск из Пермских Губернских ведомостей). С. 3.

⁴³ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1933. Л. 43.

⁴⁴Проект Горного положения. Ст. 599—620.

⁴⁵Там же.

⁴⁶ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1082. Л. 48—49, 91—91 об.

⁴⁷ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3394. Л. 100.

⁴⁸ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 161. Л. 21; Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства... С. 309.

⁴⁹Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 54.

⁵⁰Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства... С. 309.

⁵¹РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1410. Л. 112 об. — 113.

⁵²Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1882. Л. 120, 341.

⁵³Дашкевич Л.А. Развитие институтов социальной помощи на Урале в до-революционный период: от патернализма к гражданскому обществу // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 233.

⁵⁴Она же. Социальная политика горного ведомства... С. 302—303.

⁵⁵Павловский Н.Г. Указ. соч. С. 135.

⁵⁶Он же. Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 128; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2818. Л. 2.

⁵⁷Дашкевич Л.А. Развитие институтов социальной помощи в до-революционный период... С. 233.

⁵⁸ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1081. Л. 1 об.; Д. 1082. Л. 25—25 об.

⁵⁹Там же. Д. 1082. Л. 1 об.

⁶⁰РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1386. Л. 2 2 об.; Д. 4616. Л. 9—9 об.; Дашкевич Л.А. Начало страхового дела на Урале: модернизм против традиции // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 144—148.

⁶¹РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 969. Л. 15; Д. 4942. Л. 54.